

Ду Цинчэнь поговорил немного и вернулся во внутренний двор. Ло Цин продолжала убираться на кухне, протирая и моя все вокруг, даже пол. Она не хотела оставаться у них в долгу. Увидев это, Ду Цинчэнь решил, что не стоит оставлять Ду Жулиня просто играть, и пошел во двор присматривать, сможет ли ребенок чему-то научиться.

— Этот иероглиф читается как «Лю», это твое имя. Посмотри, как он пишется, а потом попробуй нарисовать его на земле, — Ду Жулинь поучал, а Ян Лю выглядел очень послушным. Ду Цинчэнь с удовлетворением кивнул.

— Понял, брат Ду, — робко ответил Ян Лю, водя палкой по земле. Ду Цинчэнь, увидев это, замер на мгновение, наблюдая, как старается мальчик, держа палку и «рисуя» иероглиф на земле.

— Жулинь, — позвал Ду Цинчэнь.

— Брат! — Ду Жулинь поднял голову, словно с облегчением. Он устал, не мог ли он пойти поесть с Лю Таем? Ему казалось, что господин Тао на самом деле неплохой человек, хоть и выглядит хитрым, но умеет себя вести, и с ним приятно общаться.

— Принеси несколько листов бумаги, которые ты обычно используешь. Самых обычных, без каких-либо отметин или знаков, — сказал Ду Цинчэнь.

— Брат, я всегда использую самую обычную и дешевую бумагу. Если бы у меня была хорошая, я бы ее берег! — Ду Жулинь надул губы, не понимая, зачем Ду Цинчэнь на этом настаивает.

Ду Цинчэнь кивнул:

— Тогда пойдет.

— Нужны чернила? — спросил Ду Жулинь, думая, что Ду Цинчэнь собирается что-то написать.

— Нет, — ответил Ду Цинчэнь. Кисть оставляет слишком явные следы почерка, лучше использовать древесную золу. Он повернулся и пошел на кухню, откуда вернулся с небольшим куском недогоревшего дерева толщиной с палец, на одном конце которого был толстый слой черного пепла.

Ду Жулинь уже принес бумагу и, увидев, что Ду Цинчэнь держит в руках обгоревшую палку, с недоумением посмотрел на него. Ду Цинчэнь вспомнил, как Ду Жулинь раньше догадался о его походе за телом, и решил отправить его подальше:

— Сходи в нашу комнату и принеси мне воды.

— Хорошо, — сказал Ду Жулинь, положил бумагу и ушел в комнату.

Ду Цинчэнь сразу подошел к Ян Лю и улыбнулся:

— Люцзы, что ты там рисуешь на земле? Хочешь попробовать написать на бумаге?

Ян Лю посмотрел на землю, затем на бумагу в руках Ду Цинчэня и кивнул:

— Хочу!

— Тогда я научу тебя, ладно? — продолжил уговаривать Ду Цинчэнь.

— Ладно, — снова кивнул Ян Лю.

Ду Цинчэнь взял лист бумаги и обгоревшим концом палки нарисовал два иероглифа: «Байгоу». Затем он улыбнулся мальчику:

— Попробуй повторить, хорошо?

Ян Лю решил, что Ду Цинчэнь учит его писать, взял палку и начал выводить иероглифы на бумаге черным концом. После нескольких неудачных попыток Ду Цинчэнь с удовлетворением взял лист с криво написанными иероглифами «Байгоу» и спросил:

— Молодец! А что тебя учил брат?

Ян Лю хотел спросить, что это за иероглифы, которые он так долго писал, да еще и на белой бумаге, ведь впервые в жизни писал на ней! Но Ду Цинчэнь перебил его, и мальчик просто ответил на вопрос:

— Это «Лю», брат Ду сказал, что это мое имя.

— А умеешь его писать?

— Эээ...

— Напиши еще раз, покажи. А еще иероглиф «Ян» надо уметь писать, я тебя научу.

— Хорошо, — Ян Лю окончательно забыл о своем вопросе.

Ду Жулинь, стоя в дверях, увидел, что Ду Цинчэнь закончил свои дела, и подошел с чашкой воды, с грустным видом протянув ее:

— Брат, вода.

— Хорошо, — Ду Цинчэнь был настолько поглощен радостью от того, что удалось запутать ребенка и заставить его забыть об этом, а также от того, что у него оказался лист с иероглифами «Байгоу», что на мгновение не заметил странного выражения лица Ду Жулиня.

Ду Жулинь сжал кулаки. Он был слишком слаб, поэтому брат ничего не говорил ему, чтобы защитить, боялся, что он все испортит! Если бы он был сильным, на него можно было бы положиться! Ду Жулинь чувствовал себя очень уязвимым и в глубине души немного обиженным.

Когда Лю Тай наконец вспомнил, что бросил своего друга, который ждет его, чтобы вместе позаниматься, было уже поздно. Он очень плотно поел и чувствовал, что не может сосредоточиться на учебе, поэтому с чувством вины извинился перед Ду Жулинем и неохотно ушел.

Ду Жулинь, постоянно беспокоясь о брате и думая о том, что Ду Цинчэнь заставлял писать Ян Лю, не был в настроении злиться на Лю Тая и не стал с ним разбираться.

Ло Цин тоже пришло время уходить с Ян Лю. Ду Цинчэнь на этот раз проводил ее до двери и тихо сказал:

— Мне нужно встретиться с Су Цзюнься.

Ло Цин, услышав это, поняла, почему Ду Цинчэнь снова ее провожает, слегка кивнула и, ничего не сказав, ушла, прижимая к себе ребенка. Она, конечно же, передаст сообщение.

Су Цзюнься получил известие и ночью перелез через стену, к этой тропе он уже привык. Ду Цинчэнь на этот раз не спал, а сидел в комнате и ждал его. Увидев, что тот вошел, Ду Цинчэнь не дал ему открыть рот и сразу встал:

— Пойдем поговорим на улице.

Су Цзюнься посмотрел на Ду Жулиня, сидевшего на кровати и смотревшего на них, кивнул. Ду Цинчэнь не хотел, чтобы брат слышал их разговор. Что ж, не слушать так не слушать, дела семьи Ду его не касались. Он последовал за Ду Цинчэнем в зал для приема гостей. Сейчас была глубокая ночь, и во всей харчевне были только они трое, так что говорить можно было где угодно.

— У тебя есть знакомые в уездном городе? Есть кто-нибудь, кто умеет бегать по стенам или вскрывать замки? Подойдет и тот, кто умеет взламывать двери, — Ду Цинчэнь, едва войдя в зал, повернулся и задал ему вопрос.

— Есть... есть. А зачем? — Су Цзюнься был главой местных хулиганов, и такие люди обычно не ограничивались одним поселком. У него наверняка были приятели и в уезде, хоть большинство его знакомых были такими же бандитами и ворами, которые обычно лишь мешали друг другу и не могли помочь в серьезных делах.

Ду Цинчэнь, услышав ответ, спросил:

— Знаешь ли ты, в какой гостинице остановился господин Тао? Сможешь найти человека, который сможет туда пробраться?

— Это... — для Су Цзюнься это действительно не было трудным делом. — Но что ты собираешься делать?

— Я хочу подбросить нефритовую подвеску в комнату Тао Сюдэ, чтобы он увидел ее, когда вернется вечером!

Су Цзюнься широко раскрыл глаза:

— Ты хочешь ему сообщить?! Ты все обдумал? Уверен ли ты?!

Ду Цинчэнь кивнул:

— Все обдумал. Если человека, который подбросит подвеску, не поймают, то как бы события ни развивались, это не коснется нас. Не волнуйся!

Су Цзюнься немного понял замысел Ду Цинчэня:

— Ты хочешь просто подбросить подвеску и не говорить Тао Сюдэ, что это сделали мы? Направить его на расследование, но чтобы это не имело к нам отношения?!

— Точно!

— Но как ты сообщишь ему, что тело в Байгоу? И как это связать с семьей Чэнь? А, ты можешь написать записку, грамотные люди всегда знают, что делать...

— Записка не подойдет. У каждого свой почерк, и, увидев подвеску, он первым делом заподозрит меня. Тао Сюдэ обязательно заставит меня что-нибудь написать, чтобы проверить.

— Тогда как ты ему сообщишь?! — Су Цзюнься развел руками.

— Вот, — Ду Цинчэнь достал лист бумаги с криво написанными иероглифами «Байгоу». — Эти иероглифы написал не я. Положи это вместе с подвеской на стол Тао Сюдэ. Увидев это, он сам поймет, где искать тело.

Су Цзюнься, не зная, что этот лист исписал сын Ло Цин, заколебался:

— Ты уверен, что у господина Тао и господина Чэня вражда? А вдруг они сообщники...

— Я навел справки. Семье Чэнь удалось развернуть такой большой бизнес в округе Хань и избежать притеснений только потому, что они опираются на генерала по имени Кун Фэйчжоу. А между военными и гражданскими чиновниками всегда есть противостояние, их должности взаимно ограничивают друг друга. Он и губернатор Тао — политические противники. Тао Сюдэ остался здесь именно потому, что хотел посмотреть, не найдется ли возможность отсечь эту руку Кун Фэйчжоу.

Су Цзюнься задумался:

— Не очень понимаю, должности... какое ограничение, какие противники... Я такое только в пьесах видел... Это как там?

— Неважно! — махнул рукой Ду Цинчэнь. — Тебе нужно только понять одно: мы должны просто передать Тао Сюдэ компромат на семью Чэнь, и при этом не позволить этому коснуться нас самих.

<http://bllate.org/book/16444/1491022>